

Рассказ из серии
Спасители Златоземья

**Однажды
в Дремучем лесу**

Михаил Марк

Михаил Марк

Однажды в Дремучем лесу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70604371

SelfPub; 2024

Аннотация

Чародей отправляется на поиски Источника жизни. Дорога приводит его в Дремучий лес, известный, как самое опасное место в Златоземье. В пути за ним увязывается неожиданный компаньон. Им обоим придётся преодолеть сложное испытание, но удастся ли – узнаем из рассказа.

Михаил Марк

Однажды в Дремучем лесу

От автора

Рассказ повествует о случае, произошедшем за восемьдесят лет до главных событий, описанных в трилогии «Спасители Златоземья». Для лучшего понимания концовки рекомендуется ознакомиться с рассказом после прочтения основной трилогии.

Часть I

Продираясь через можжевельник, заполонивший опушку старого леса, чародей Белофрон изодрал весь плащ. В сердцах размахивая мечом, чьё навершие украшал крупный малахит, мужчина думал: не стоило ли вернуться и обойти кустистые заросли? Но поворачивать назад было не в его характере.

Миновав заросли, он оказался в гуще, под сенью многолетних сосен и вековых дубов. Несмотря на разгар мая, в лесу царил прохлада: полуденный свет слабо пробивался сквозь плотный полог – на узловатых ветвях, распростёртых подобно уродливым изломанным рукам, шелестела густая листва.

Бредя по нехоженому лесу, чародей испытывал ворох ощущений. Будучи чувствительным к разного рода чарам,

он заметил, как изменился сам воздух – что-то неуловимое, подобно дурманящему аромату, окутывало Дремучий лес.

Также путника снедали воспоминания о недавних событиях: он ушёл из дома больше полугода назад, оставив большую жену и растерянного сына. Он расстался с ними весьма скверно, и теперь его грызли сожаления. Впрочем, если получится отыскать то, за чем он явился в дикий лес, удастся спасти жену и наладить отношения с родными, – успокаивал себя чародей.

Ко всему прочему, он улавливал звуки, походившие на присутствие кого-то, бредущего по его следу. Человек или зверь – было не понять. В какой-то момент чародей остановился и осмотрелся, напрягая слух. Преследователь притаился – как иначе можно было объяснить стихший шорох, выбивавшийся из привычного лесного шума?

Убрав с высокого вспотевшего лба тёмные с проседью волосы, он двинулся дальше, держа меч наготове. Даже если преследование ему показалось, впереди могли подстергать иные опасности. Дремучий лес славился на всё Златоземье байками о заплутавших и так и не выбравшихся отсюда путниках; о страшной ведьме, чьей воле невозможно противиться; о чертях, забредавших в лес из далёких Чёрных гор...

Продолжая шагать как можно тише, чародей вновь погрузился в угрюмые воспоминания.

В годы обучения в Ордене чародеев, тогда ещё молодой мужчина обнаружил в старых записях легенду о яблоне, пло-

ды которой обладали целительной силой. Он давно порывался отправиться на её поиски, но с созданием семьи и рождением сына о путешествиях пришлось забыть. Сын вырос, пошёл по стопам отца. Чародей, лишённый возможности путешествовать и постигать законы мироздания, чувствовал себя несчастным. Но однажды заботливая жена, видя терзания мужа, предложила ему вспомнить о былом увлечении, и он с радостью пустился в новое приключение. К большому разочарованию, его пришлось прервать: в пути мужчину настигло письмо от сына с известием о болезни жены.

Вернувшись домой, чародей обнаружил угасающую жену и несчастного сына. Отчего-то бессилие наследника привело его в бешенство. Он был резок и груб с ним. А потом вспомнил о яблоне и решил, не задерживаясь дома ни на день, отправиться на её поиски. След привёл его в Дремучий лес.

За спиной раздался треск. Чародей развернулся так резко, что едва не свернул шею, зато успел заметить мелькнувшего зверя – некрупного и, похоже, неопасного. Оставалось выяснить, кто он и почему не укрылся, как большинство животных, а украдкой последовал за путником, по-видимому, заметив того ещё на опушке.

Поразмыслив, чародей повернул меч остриём вниз и зажег камень в наверху – малахит испустил мягкое бирюзовое сияние.

Любопытный зверь поднял мордочку с длинными ушами, и чародей признал в нём коловёртыша – редкое существо с

дурной славой. Считалось, оно несёт с собой неудачу – в народе его даже прозвали предвестником беды. Но любой чародей знал, что этих созданий привлекают чары. Немудрено, что зверьки часто становились питомцами чародеев. Белофрона на заре обучения в Ордене даже звали Коловёртышем за его дар.

Неожиданный спутник смело вышел на свет: он был уже немолодым, о чём говорил обвисший зоб, растрёпанные кисточки на ушах и длинном вялом хвосте. Не считая вышеназванного, коловёртыши почти не отличались от обычных зайцев. Глаза с яркой янтарной каймой следили за сияющим камнем, украшавшим рукоять меча.

– Знаешь, в другой раз я бы тебя прогнал, – заговорил Белофрон, – но сейчас мне не помешает помощь. Лес большой, одному мне его долго придётся исследовать. А твоему чутью я бы доверился больше, чем собственному.

Он погасил камень и, присев, протянул свободную руку – зверь опасливо отпрыгнул назад. Тогда чародей потянулся к мешку за спиной, снял его и достал некрупную морковь.

– От этого-то ты не откажешься?

Зверёк дёрнул чёрным носом и осторожно подполз к предложенному овощу. Встав на задние лапы, он схватил морковь передними и принялся хрустеть, позабыв о чародее.

– Что ж, и мне пора перекусить, – Белофрон опустил на сухой клочок земли в основании многолетней сосны и стал копать в запасах. – Надеюсь, мы не привлечём запа-

хом других зверей.

Вынув свёрток с вяленным мясом и затвердевшим ломтём хлеба, он убрал остатки обратно. Рука коснулась журнала с записями, куда вносились важные сведения. Помимо прочего, между страниц были вложены посланные сыном письма, в которых тот передавал вести о состоянии матери и повторял её просьбу вернуться домой. Белофрон не хотел отвечать: боялся признаться, что до сих пор не нашёл яблоню, да и возвращаться не спешил.

– Я вернусь, как только разыщу живительное дерево, – заявил в последнюю встречу чародей, не глядя на взрослого сына, и взобрался на лошадь.

– А что, если... если ты не найдёшь его?

Белофрон бросил на сына гневный взгляд и произнёс в сердцах:

– Я не ты, я не сдамся! И не успокоюсь, пока не найду способ одолеть смерть!

От угрюмых воспоминаний мужчину отвлек зверёк, умявший морковь и приблизившийся за второй.

– Э, нет, хорошего понемногу.

Солнце клонилось к закату, отчего в лесу сделалось ещё темнее. Белофрон не надеялся отыскать дерево до наступления ночи, но хотел пройти как можно больше, пока мрак не стал беспросветным. Продолжив путь, он следовал за странным манящим чувством, что звучал в голове назойливым шумом и заставлял шевелиться волосы на загривке. Коло-

вёртыш двигался следом за чародеем вприпрыжку, сохраняя небольшую дистанцию, – в его движениях прослеживалась некоторая настороженность, как если бы зверёк имел горький опыт встреч с людьми, а потому побаивался приближаться вплотную.

Двигаться в кромешной тьме было крайне затруднительно – слабого сияния малахита не хватало, да и усталость брала своё. К тому же колдовское сияние могло привлечь нежелательное внимание. Белофрон решил прервать путь. Ночевать он предпочёл на дереве – выбрал крупный дуб, забрался на самую толстую ветку и устроился таким образом, чтобы не свалиться посреди ночи. На одной из ближних веток возникли глаза с оранжевым ободком. Как оказалось, коловёртыши отлично лазают по деревьям – видать, помогает длинный пружинистый хвост.

Белофрона разбудил странный звук, эдакий отголосок последнего вздоха: далёкий и едва уловимый. В носу запахло сыростью и тёплой влагой. Разлепив глаза, он обнаружил навострившего уши коловёртыша.

– Ты... ты тоже это почувствовал? – спросил взволнованно чародей.

Коловёртыш повёл носом, улавливая тонкие запахи, а потом резво рванул вниз по стволу старого дуба.

– погоди!..

Превозмогая боль, сковавшую затёкшие конечности, Белофрон спустился с дерева и поспешил за зверьком, припу-

стившимся в самую чашу.

В лесу светлело; слабый туман, окутавший подлесок, рассеивался; сотни тоненьких лучей пробивали лиственный полог, добавляя красок в единообразие дикого леса; живность умывалась росой, птицы пели, разбавляя звучной трелью шелест листвы и треск ветвей. В какой-то момент Белофрон поймал себя на мысли, что Дремучий лес ничем не отличается от всех прочих, в которых ему доводилось побывать. разве что давало о себе знать странное ощущение, будто за ним следят. Даже сейчас, когда следовавший за ним коловёртыш уже выдал себя и бежал вприпрыжку впереди, казалось, что незримое око не отрывает от него взгляда.

Приходилось продирается через колючие заросли, преодолевать скрытые растительностью овраги – Белофрон поначалу бодро, а потом всё слабее размахивал мечом, прорубая себе путь. Было не до привалов и перекусов. Ещё меньше он беспокоился о шуме: главным было не упустить юркого зверька, поймавшего след.

Через пару часов коловёртыш ускорился, а потом выскок на небольшую прогалину, посреди которой стоял старый, прогнивший от времени колодец с покосившимся навесом. Пока зверёк прыгал вокруг этого неожиданного строения, Белофрон переводил дыхание и размышлял: откуда здесь колодец и почему манящая неизведанная сила привела именно сюда?

Подойдя ближе, мужчина осмотрел тёмное дерево: места-

ми оно было покрыто мхом, кое-где по срубам тянулся выюн, сейчас представлявший собой сплетение сухих стеблей. Ворота были обмотаны коротким отрезком верёвки, ведра рядом не находилось. Белофрон с опаской подошёл вплотную и заглянул внутрь. Любопытный коловёртыш запрыгнул на сруб и тоже взглянул вниз.

Дна было не видать. Чародей засветил камень в навершии меча и протянул руку в пространство верхней части колодца. Магическое сияние открыло взгляду заколоченное досками дно на расстоянии двух вытянутых рук.

– Кому это пришло в голову забивать колодец? – задумался вслух Белофрон и поглядел на зверька, будто тот мог ответить.

Что-то подсказывало, что отгадка там, внизу. Внезапная преграда заслонила взор, мешая увидеть источник манящей силы, но чародей знал, как разрушить эту преграду. Однако действовать не спешил. Перед ним стоял непростой выбор: нырнуть в неизведанные глубины или вернуться к поиску живительного древа. Первое манило неизвестностью – такой таинственной, такой привлекательной. Искушение было столь велико, что подавляло мысли о покинутых жене и сыне.

Поддавшись порыву, мужчина направил остриё меча вниз и заговорил на родном вингольском наречии – клинок засиял бирюзой. Коловёртыш с трудом удержался, чтобы не прыгнуть на источник сияния. Затем Белофрон отпустил рукоять

– меч вонзился в дощатое дно. Сверкнула вспышка, и колодец пошатнулся. Дощатая преграда раскололась на части и ухнула вниз, а вместе с ней и чародейский меч.

Зажмурившись на миг, когда сверкнула вспышка, Белофрон распахнул глаза и уставился в глубь колодца. Внизу мерещилось зеленоватое сияние, веяло жаром. Голову наполнил дурман, лишавший воли. Прежнее ощущение, будто за ним наблюдают, усилилось многократно.

Не подчиняясь самому себе, чародей сел на край сруба, ударившись макушкой о навес, но даже не заметив этого, и перекинул ноги внутрь колодца. Коловёртыш взглянул на человека то ли с опаской, то ли с недоумением (поди пойми, что выражает морда диковинного существа), и даже попытался привести чародея в чувства, приблизившись и ударив лапами по руке. Но Белофрон будто бы не почувствовал прикосновения и в следующую секунду спрыгнул в недра колодца. Коловёртыш – за ним.

Часть II

Зелёное мерцание оказалось прямо под ним, и в следующий миг Белофрон упал в воду. Рядом плюхнулся потрёпанный шерстяной ком.

Холод привёл чародея в чувства. Выплывая, он нахлебался воды и откашливался до каменистого берега – тот оказался довольно близко. Выбравшись, Белофрон ещё раз как следует прокашлялся и распластался на земле. У его ног застыл

коловёртыш, вертящий головой с изумлёнными глазами.

Они оказались в пещере с озером. Дно подземного водоёма и стены пещеры были сплошь усеяны прожилками и россыпями зелёных камней, что отражали сияние, льущееся откуда-то из глубины каменистой породы. Над головами нависал неровный грубо отёсанный потолок, в котором зияла внушительных размеров дыра – в неё-то и провалились человек и коловёртыш.

В голове стоял звон. Дурман и то странное чувство, что привело их сюда, усилились. Сомнений не осталось – так действовали загадочные зелёные камни.

Отдышавшись, Белофрон сел и огляделся. Пещера имела проход в тоннель, по стенам которого также тянулись зелёные прожилки. Вспомнив про меч и походный мешок, Белофрон соскочил с места и приблизился к озеру. Как бы ни хотелось остаться на суше, он не мог бросить поклажу в воде. К счастью, дно было не очень глубоким. После двух погружений он вылез из воды со своими вещами. Раскладывая намокшие записи, еду и одежду, он не заметил, как коловёртыш приблизился к стене и принюхался к одному из скопленных зелёных камней. Затем прикоснулся к нему лапами и тут же отпрыгнул. Что-то в этой породе коловёртышу не понравилось, и он решил не касаться камней, хотя и не мог оторвать от них взгляда.

Вернув меч в ножны и отжав на себе одежду, Белофрон решил исследовать проход пещеры. Зверёк не отставал. Они

прошли по тоннелю, оказались у развилки, пошли влево, оказались у новой развилки, на этот раз свернули вправо, а там тоннель вытянулся на десятки метров: справа и слева виднелись проходы, которые, как оказалось, вели в комнаты, когда-то бывшие обиталищем рудокопов. В одной хранились инструменты, покрытые многовековой пылью, в другой лежали каменные плиты с циновками, вероятно, служившие постелями, ещё обнаружилась столовая или комната для советов: посередине стоял вытянутый каменный стол, а вокруг были разбросаны стулья. Всем этим, судя по виду, давно не пользовались.

Белофрон не останавливался: дар вёл его дальше, обещая показать источник таинственной силы. Тоннель изогнулся и привёл к проходу, перекрытому каменной плитой. Выбитый посередине символ из двух переплетающихся волнистых линий, исходящих из крупной искры, зарос пылью и паутиной. Такой же был выгравирован на мече Белофрона, прямо под рукоятью: это была эмблема Ордена чародеев.

«Стало быть, проход запечатали члены Ордена, – понял чародей. – И открыть его сможет только один из нас».

– Вот только стоит ли это делать? – спросил он, поглядев на коловёртыша, скребнувшего лапами каменную дверь. – Неспроста же стоит чародейская печать...

Впрочем, Белофрон колебался недолго. Любопытство взяло верх, и он коснулся печати рукой. Погружаясь в себя, он опустил веки. Сверкнул малахит – и каменная плита с

грохотом отъехала в сторону.

За ней оказался огромный просторный грот, стены и потолок которого были увиты реками зелёных прожилок с россыпями поблёскивающих «созвездий». Внушительную часть пространства занимала гора каменных обломков, также испещрённая ветвящимися зелёными ручейками.

Чародей и коловёртыш замерли, с восхищением оглядывая таинственное место. И простояли так в благоговейной тишине несколько минут.

Неожиданные гости подземелья надолго задержались в просторном гроте, осматривая гору обломков. Попытавшись обойти её кругом, они обнаружили, что гора примыкает к противоположной от входа стене. Если там и был ход в следующие ответвления пещеры, то сейчас до него было не добраться.

Один час прошёл или несколько, чародей не знал. Ощущения изменились, природные инстинкты притупились, возможно, потому, что сюда не проникал солнечный свет. В какой-то момент мужчина вспомнил про поклажу, про необходимость подкрепиться, но, скорее, по привычке, а не из-за голода – его он совершенно не чувствовал.

Запомнив путь к гроту, чародей двинулся в обратном направлении (коловёртыш следовал хвостом) и вышел к пещере с озером. Вещи лежали нетронутыми. И снова внутренний голос призывал сделать выбор. С одной стороны, он понимал, что его миссия не завершена, с другой, – новая загад-

ка выглядела такой привлекательной, такой будоражащей. Может, поэтому, а может, потому, что он и правда не знал, как выбраться на поверхность, Белофрон решил посвятить время разгадке тайн подземелья.

Первое, на что он обратил внимание, – приглушённое сияние. По прошествии часов оно стало угасать. Дурман также таял, даря разуму прежнюю сосредоточенность. Но это открытие лишь добавило вопросов.

Вскоре усталость взяла своё, и Белофрон отправился в комнату для сна. Не став искать одеяло (да в нём и не было необходимости: в пещере было жарко), он встряхнул циновку, лежавшую на каменной плите, и лёг, подложив под голову свёрнутый в ком плащ. Коловёртыш устроился в основании плиты.

Странный шум разбудил Белофрона и коловёртыша – нечто среднее между громогласным шёпотом и протяжным выдохом. Отголосок именно этого загадочного звука поднял их на рассвете. Быть может, и сейчас уже светало, но в подземелье царил привычный полумрак. Зелёные камни сияли как никогда ярко. И вновь голову наполнило жужжание, что путало мысли и подавляло эмоции.

Сев на кустарной постели, чародей протёр глаза и потрянул головой – дурман мешал думать. Решив прогнать остатки сна, Белофрон отправился к озеру.

Оставленные здесь вещи лежали нетронутыми и высохшими. Умыв лицо, Белофрон словно глотнул свежего возду-

ха. А коловёртыш ещё и напился. В отличие от зверька, чародей не рискнул пить озёрную воду. К тому же в одном из ответвлений грота он, кажется, видел источник с родниковой водой – там-то и утолит жажду.

Размышляя над дальнейшими действиями, мужчина непроизвольно поглядел на чёрную дыру в потолке, но идей, как выбраться, не рождалось. Тогда он решил вернуться к исследованию подземелья, надеясь найти ответы на все вопросы.

Собрав мешок и закинув за плечо, он двинулся по извилистому тоннелю. Они с коловёртышем оказались у знакомой развилки, но на этот раз свернули вправо. Гулкое эхо неспешных шагов бежало впереди, предвеляя продвижение путников. На всякий случай чародей обнажил меч, хотя в тоннеле кроме них никого не было – ни крыс, ни других грызунов или насекомых, за исключением пауков – паутина свисала отовсюду. Собрав на волосах белёсые лоскуты, Белофрон стал чаще пригибаться.

Тоннель петлял, уводя всё ниже – наклон был плавным, поэтому почти не ощущался. Прожилок с россыпями камней стало совсем мало – дальше нескольких шагов царил темнота. Коловёртыш видел во мраке лучше человека, поэтому двигался впереди знакомой прыгучей походкой.

Наконец тоннель расширился и вывел в продолговатый грот. Коловёртыш вдруг остановился, развернулся и упёрся лапками в ноги чародея. Заподозрив неладное, Белофрон за-

светил меч и увидел, что земля впереди обрывается, а за ней – зияющая пустота и ни одного зелёного камня. Справа громоздились останки полуразрушенного подъёмника.

Задерживаться здесь не стали. Хотелось поскорее вернуться, глотнуть свежего воздуха в верхней части подземных ходов, хотя ещё четверть часа назад тот казался спёртым и влажным. В обратную сторону уклон стал очевиднее: двигаться было сложнее, появилась одышка. Но вскоре повеяло свежим воздухом.

Оказавшись вновь у первой развилки, невольные друзья по несчастью перевели дух и двинулись ко второй развилке. И здесь чародей решил пойти другим путём, свернув в левый рукав.

Чувствуя затхлость, Белофрон понял, что и тут им не найти лазейки на поверхность. Тоннель оказался намного короче того, что вёл вниз, и заканчивался проходом с гнилой деревянной дверью, висевшей на одной петле. Аккуратно подвинув трухлявую створку, чародей прошёл в комнату и вновь засветил малахит на рукояти меча.

Комната имела округлую форму и служила, вероятно, архивом: по стенам располагались опутанные паутиной шкафы с книгами, журналами, свитками и загадочными свёртками. Посередине стоял стол, заваленный бумагами и огарками свечей.

– Кажется, последние обитатели подземелья покидали его в спешке, – заключил Белофрон и обошёл стол – на полу об-

наружился опрокинутый стул.

Зелёных камней здесь было совсем немного, да и светили они не так ярко, чтобы можно было прочесть хотя бы один полный журнал. Чары тоже не давались легко, поэтому надолго чародей не мог зажигать малахит. К счастью, на столе валялись остатки свечей, а в походном мешке у Белофрона хранилось огниво. Достав кремень и кресало, а затем намотав на валявшееся перо паутину, он добыл огня и зажёл свечу на глиняном блюде. В комнате сразу сделалось светлее.

Подняв стул, чародей сел – ножки под сидением опасно закрипели – и обратил взор на листы пергамента. Один из них развалился на части при одном только прикосновении. Поэтому мужчина решил ничего не трогать без необходимости.

С этого момента начались длительные часы изучений. На одной из полок Белофрон обнаружил свёртки со свечами, так что света стало достаточно.

Коловёртышу, похоже, было тоскливо. Возможно, он пожалел, что прыгнул за чародеем в колодец, но всё же оставался при нём, изредка убегая порезвиться возле озера.

Время шло, а открытий не получалось. Белофрон верил в судьбу, а потому считал, что попал сюда неспроста. Быть может, поэтому он не прилагал особых усилий в поисках выхода из подземелья. И поэтому продолжал перебирать журналы и свитки. По большей части там указывались списки рудокопов, сведения о добываемых объёмах золота, различ-

ные руководства и чертежи устройств. Имея при себе карту местности, Белофрон догадался о местоположении рудника: почти у самой северо-западной окраины Дремучего леса высилась небольшая кучка гор. А судя по датам в журналах, последние рудокопы трудились здесь несколько столетий назад.

Периоды бодрствования прерывались сном снова и снова. Загадочный шум, похожий на дыхание исполина, заснувшего в недрах горы, повторялся примерно с одним и тем же интервалом. Коловёртыш стал товарищем по несчастью, которому можно было выговориться и который никогда не осуждал.

Однажды Белофрон поймал себя на мысли, что он ни разу не поел с момента появления в подземелье. Он недоумевал, но догадывался, что причиной могли служить зелёные камни. В его сознании ворочалось мысли о живительной силе камней, но он никак не мог вспомнить ничего конкретного.

Три из пяти свёртков со свечами были израсходованы к тому моменту, когда Белофрон наконец обнаружил нечто любопытное. То был личный журнал старшего смотрителя, по какой-то причине оставившего записи в подземелье. В них описывались последние дни пребывания здесь рудокопов. Чародей поднёс свечу ближе, чтобы не упустить ни одной важной детали. Почерк у смотрителя был неаккуратный, взгляд то и дело спотыкался о неразборчивые слова.

– Вот оно! – воскликнул Белофрон после трёх-четырёх ча-

сов молчания.

Коловёртыш, запрыгнувший на одну из полок и лежавший комом, поднял мордочку, не понимая, подзывают его или чародею просто понадобились свободные уши.

– Это уже интересно... Так... «Мы давно заметили на стенах бесцветные кристаллы, но сейчас они стали проявляться сильнее. И всё бы ничего, но иногда они окрашиваются в зелёный. Ненадолго. А ещё нам всем не по себе. Раз в двое-трое суток в пещерах раздаётся странный приглушённый шум. Мы не понимаем, откуда он исходит. Быть может, из грота, вход в который запечатан сотни лет назад членами Ордена...»

Сердце Белофрона часто билось, в глазах сверкал интерес.

– Значит, камни на стенах не сразу загорелись яркой зеленью, – говорил то ли с коловёртышем, то ли с самим собой чародей. – И шум стал раздаваться со временем... С годами он доносится громче и чаще... Любопытно.

Он вновь обратил сверкающий взгляд к исписанным чернилами плотным пожелтевшим страницам. Пробежав глазами по торопливым строчкам, он перевернул лист и прочёл последнюю запись:

15 июля, 1294 г.

Наш гонец вернулся из Зеленограда с ответом. Орден чародеев требует завершить работы и покинуть подземелье. Вскоре придут чародеи, чтобы исследовать тоннели и

предпринять какие-то меры.

Старший смотритель Целих.

Озадаченный Белофрон оглядел шкафы. Он как-то с самого начала решил придерживаться порядка и просматривал все записи, двигаясь от полки к полке сверху вниз, от шкафа к шкафу слева направо. Но теперь, проведя в подземелье (по ощущениям) две-три недели и убедившись, что здесь обитает могущественная сила, которую пытался сдержать сам Орден, – он хотел ускорить дело. Но прежде чем чародей успел что-либо предпринять, его ушей коснулся отдалённый шорох, нарушивший привычную тишину.

Шорох приближался. Белофрон наконец вспомнил этот звук, и поэтому был готов увидеть влетающую в комнату ласточку, сложенную из бумаги – снова сын отправил ему зачарованное письмо. Коловёртыш оживился и попытался в прыжке схватить птичку, но та устремилась к чародею. Тот несколько раздражённо выставил раскрытую ладонь, и ласточка опустилась на руку. Под любопытным взглядом коловёртыша фигурка развернулась, оставив на бумаге линии сгибов.

Мужчина не спешил знакомиться с посланием, будто получил его от неприятеля. Сделав несколько тяжёлых вдохов, наконец поднёс мятый лист на свет и прочёл:

Не знаю, получаешь ли ты мои письма, так как ни од-

но не вернулось с ответом, но решил всё-таки написать. В прошлом я сообщал, что по просьбе матери отправился на твои поиски. На исходе весны след привёл меня в Дремучий лес. Я нашёл древо, о котором ты говорил! Теперь мчусь домой с живительным плодом для мамы. Отзовись.

М.

Взгляд Белофрона остекленел. В глубине тёмного взора вспыхнул недобрый огонь, складка у носа задёргалась. Сыну удалось то, что не удалось отцу. И ведь, судя по всему, это произошло в то самое время, когда Белофрон копался в записях рудокопов. Не сверни он с пути, нашёл бы яблоню первым.

Свет камней померк, а потому не дурманил, не успокаивал разум. В мужчине поднялась волна злости, тотчас вырвавшаяся наружу. Он с такой силой хватил кулаком по столу, что коловёртыш подпрыгнул и поспешил убраться к выходу. Свеча, догоравшая в блюдце, опрокинулась, воск капнул на пустую страницу журнала зрителя Целиха. Выругавшись, чародей схватил журнал и швырнул в просвет между шкафами – ветхий корешок треснул, и листы рассыпались кучей на каменный пол.

Белофрон и сам не мог понять, что его больше злило: собственные неудачи или успех сына. Опустившись и какое-то время молча просидев в темноте, он успокоил себя тем, что теперь ему, и правда, некуда спешить – ведь заветный целеб-

ный плод уже скоро окажется в руках больной жены.

Следующую неделю чародей провёл всё в той же комнате, просматривая свиток за свитком, журнал за журналом, фолиант за фолиантом. В одних хранились справочные сведения о горнодобывающем деле и об обработке разных руд, в других значились записи на неведомых языках. Один прелюбопытный фолиант содержал секреты таинства «переливания» могущественных сил в драгоценные камни. В другом, исписанном замысловатыми символами, изображались каменные фигуры, оживлённые с помощью колдовства, для которого требовалось забрать чужую жизнь. Тяжеленная книга, обтянутая чёрной змеиной кожей, описывала таинственные заклинания, сложенные из угловатых знаков, напоминающих кинжалы.

Некоторые экземпляры были перетянуты ремнями с печатями Ордена. Закрадывалось предположение, что древнее сообщество решило схоронить в треклятом подземелье многие, в основном, тёмные знания. Может, тогдашние чародеи решили, что эти сведения опасны, а может, – в хранении и использовании их просто не было надобности. Последнее предположение звучало не столь убедительно, как первое, что только подогревало интерес Белофрона.

В приличного размера библиотеке имелось и несколько исторических томов, в которых на устаревшем наречии говорилось про врага древности – могущественного Гарнула, а ещё про Могучую Четвёрку, одолевшую его с помощью Ти-

совых посохов и в последующем основавшую Орден. Белофрону это было известно со времён обучения в Ордене, хотя некоторые подробности он узнал впервые, ибо в школьных книгах они указаны не были. Самые ценные сведения чародей переносил в собственный журнал. Порой, чтобы не тратить время и чернила, он просто выдёргивал один или несколько листов и вкладывал в свой распухающий с каждым днём сборник.

Захваченный каждодневными открытиями Белофрон не замечал, как летит время. И вот однажды он дошёл до полки, на которой под слоем многолетней пыли покоился увесистый фолиант со знакомым символом на обложке. Дунув, чародей поднял облако пыли и вернулся за стол. Раскрыв ветхий том, он негодуяюще вздохнул – снова незнакомые письмены. Желая найти намёки на содержание книги, Белофрон пролистнул первый десяток страниц и замер, увидев жуткий рисунок талантливого художника, который изобразил алата, крылатого человека, мрачного и пугающего, с камнем в груди. И вновь в памяти что-то заколыхалось.

– Шог! – наконец воскликнул он.

Лежавший до того со скучающим видом коловёртыш запрыгнул на стол и вгляделся в иллюстрацию.

– Вот кого мы слышим... Вот чьё дыхание доносится откуда-то из глубин, – произнёс Белофрон, впервые желая вновь услышать знакомый шум, дабы убедиться в своей догадке (зелёные реки на стенах как раз давно ждали сигнала, что-

бы налиться сиянием). – Сподручный Гарнула... Падший алат... Согласно легенде, Шог отправился в подземелье, в самые тёмные его уголки и пропал – тьма поглотила его. Гарнул спас его, вложив в грудь Камень Жизни. Не сомневаюсь, что здесь идёт речь именно о нём... Вроде бы его одолели...

Белофрон вспомнил каменный завал в большом гроте. Неужели там, под грудой камней, лежит побеждённый Шог? А судя по «вздохам», наполняющим руду зелёным сиянием, он ещё жив!

Чародей чувствовал, что тайное станет явным, достаточно лишь разгадать письма. Этим он и собирался заняться, но тут послышался знакомый шорох. Через несколько секунд в комнату влетела бумажная ласточка.

«Что ещё? Снова решил ткнуть меня носом в свои успехи?!» – раздражённо подумал мужчина и грубо схватил ласточку на лету. Та, задрожав, стала раскрываться. Белофрон взял мятый лист в другую руку и повернул его на свет.

Я опоздал. За три дня до моего возвращения мама скончалась. Ты мне нужен.

М.

Белофрон окаменел. Не веря своим глазам, он прочёл послание ещё несколько раз, надеясь, что неверно понял смысл. Но известие было до ужаса ясным.

Лист в руке задрожал. Коловёртыш попятился, боясь но-

вого приступа гнева. Но чародей вдруг сгорбился, осунулся всем телом и, бросив письмо, уткнулся в широкие ладони. Комнату наполнили глухие рыдания.

Наконец уняв слёзы, Белофрон обтёр лицо рукавом и печальным взглядом уставился в пустоту. Несколько долгих минут он сидел неподвижно и размышлял о безвозвратно минувшем прошлом и туманном будущем. Того, что случилось, не изменить. По крайней мере, ему это неподвластно. Если легенды не врут, только одному могущественному созданию удалось сотворить предмет, нарушающий привычный ход времени – Гарнулианское зеркало. Если бы только оно оказалось у Белофрона!.. Но нет, Гарнула давно одолели, как позже и Шога, вероятно, знавшего о местонахождении зеркала.

Безумные мысли одна за другой врывались в сознание, отравляя жадной несбыточной надеждой. И откуда-то из глубины тянулся едва слышный голосок, напоминавший о сыне, нуждающемся в отце.

Вновь Белофрон стоял перед выбором. Моргнув, он оторвал взгляд от шкафа и опустил голову, обхватив её обеими руками. В подземелье воцарилась звенящая тишина.

Знакомый шум пронёсся по всем ответвлениям пещеры и на этот раз в нём отчётливо расслышалось:

«Ш-Ш-Ш-О-О-Г-К-Х-х-х...»

Чародей поднял голову. Он не заметил, что догоравшая свеча погасла. Зато увидел, как камни на стенах налились

тусклым зеленоватым светом. Сознание полегчало и при-
смирело. А во взгляде уставших глаз появилась решитель-
ность. Однако возвращаться домой, к сыну, он явно не со-
бирался.

Но это, как говорится, уже другая история.